

ПО ВЫСТАВКАМ

ТВОРЧЕСТВО А. В. ЗАРЕЦКОГО

«Русский Дом» в Кормэй-ан-Паризис на три дня празднично украсился работами художника Зарецкого. Парижане не убоялись поездки за город — совсем, впрочем, не страшной и наградившей, в придачу к выставке, тишиной, запахом свежескошенного сена, кудрявой зеленью густого парка — и пением русского вокального квартета. Золотая книга Н. В. Зарецкого запестрела именами старых и новых друзей его искусства. Среди посетивших отметим художника М. В. Добужинского и замечательного знатока всего русского, профессора Сорбонны П. К. Паскаля.

Зарецкий, зачарованный русской литературой и русской историей, прежде всего иллюстратор, но в той благороднейшей форме, которая доступна немногим. Зрительная транспозиция словесного произведения в его рисунках глубоко индивидуальна, оставаясь, вместе с тем, глубоко верной писателю. Эта верность — не рабское следование, а подлинное отождествление с любимым текстом, знакомым насквозь и со всех сторон, по строкам и межстрок, в той исторической атмосфере, которой он был взлелеян.

Не забудем, что Зарецкий — большой пушкинист, неутомимый собиратель пушкинской иллюстрации, создатель иконографического отдела Пушкинской выставки в Праге, в 1932 году, автор пражского каталога этого отдела. Он же — тонкий знаток русского фарфора, как и русского военного мундира. В парижской Национальной библиотеке имеется его объемистый том «Мундиров Отечественной Войны». Кроме того, он — автор еще неизданного, очень значительного труда о рисунках русских писателей.

Это знание, эта влюбленность в русское слово и русское прошлое чужды узости: к своим любимым он сателям Зарецкий причисляет, напр., Е. Т. А. Гофмана, своими учителями называет Дюрера, Шардена, Домье. Словесная, историческая культура выражается в его работах без всякой «литературности», языком строго графическим и чисто живописным; декоративная легкость и живой юмор спаяны у него непогрешимостью композиции, уверенной ясностью форм и красок, мастерством разверстки и шрифтов. От любимых почерков 18-го и начала 19-го века Зарецкий с легкостью престижжатора переходит к собственным алфавитным построениям, четким, строгим и полным шуток и выдумки. В его наиболее «прикладной» графике сильнее всего видна конструктивность основного замысла; она настолько убедительна, что даже в отмеченных определенной эпохой работах его и по сей день ничто не кажется устаревшим.

На выставке представлено все творчество Зарецкого, начиная с первого, «константинопольского» периода (отмеченного единственной — жаль, что единственной — на выставке станковой живописью) и кончая совсем еще свежими — во всех отношениях, — рисунками к «Рыбаку и Рыбке». Несколько выдающихся этапов на пройденном пути: знакомые любителю — по литографированному изданию — «Домик в Коломне»; очаровательно-страшный «Гробовщик»; театральные занавесы и костюмы к «Петрушке» и «Балаганчику» Блока.

Театр, иллюстрация, обложки, заставки, концовки, виньетки, экслибрисы, объявления чередуются с портретными рисунками, в которых скульптурность формы подчинена острейшей наблюдательности.

Хотелось бы видеть повторение этой выставки в Париже, на более продолжительное время, в помещении более просторном и более доступном широкой публике.

Н. А. Б.